

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
АДЫГЕЙСКИЙ РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ИНСТИТУТ
ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

НАУКА, РЕЛИГИЯ, ГУМАНИЗМ

г. Москва 1996

96-3

11049 а

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
АДЫГЕЙСКИЙ РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ИНСТИТУТ
ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

НАУКА, РЕЛИГИЯ, ГУМАНИЗМ

Сборник статей

г. Москва 1996

А. К. Тхакушинов

ГУМАНИЗМ ЛИТЕРАТУРЫ И СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ: ОТ ПЛЕХАНОВА К ВЕБЕРУ.

Ситуация в постсоветской социологии и социальной философии характеризуется попытками осмысления и освоения запретного ранее «буржуазного» интеллектуального опыта. Однако тенденция к вестернизации в области социальных наук должна перевоплотиться не в механическое перенесение зарубежных наработок в отечественное общественное знание, а в традиционную форму развития общественных наук — критическое сопоставление все еще привычных парадигм экономического детерминизма и того необъятного моря идей, которое предлагает западная наука. Только в этом случае переход к новому качеству отечественных исследований будет естественен, а сведение счетов с прошлым научно добросовестным. Очевидно, что подобная работа потребует достаточно много времени и под силу лишь сообществу ученых. Собственно говоря, это и явится результатом модернизации в области отечественных социальных наук.

В небольшой статье нет возможности сколько-нибудь подробно остановиться на этих «общих» проблемах. Целью данной работы является попытка освоения лишь относительно узкого предмета — соотношения некоторых подходов Г. В. Плеханова и М. Вебера к исследованиям литературы и в общем плане культуры. Разумеется, нас интересуют не столько конкретные названные персонажи, сколько те течения философско-социологической мысли, которые они представляют — марксизм и понимающую социологию. Эвристическая роль сравнительного анализа данных направлений в философии и социологии представляется плодотворной.

Георгий Валентинович Плеханов (1856—1918) известен как виднейший российский мыслитель-марксист, философ-

ско-социологическая деятельность которого привлекла внимание Ф. Энгельса¹, была высоко оценена В. И. Лениным² и другими, менее заметными марксистами. Однако ортодоксальность марксистских воззрений Г. Плеханова развела его с «вождем мирового пролетариата», который усовершенствовал марксизм, превратив его в марксизм-ленинизм, или, как писали коммунистические учебники, — в «марксизм эпохи империализма». Данное обстоятельство позволяет считать Г. Плеханова более «чистым», т. е. более типичным марксистом, чем В. И. Ленин, хотя воззрения обоих на литературу и искусство во многом близки.

Взгляды Ленина в интересующем нас аспекте изложены, в основном, в его статье «Партийная организация и партийная литература», написанной в стиле «агитпропа» и хорошо знакомой многим поколениям советских школьников. Г. Плеханов оставил серьезное литературно-критическое наследие, насыщенное некоторыми любопытными и сегодня идеями. Г. Плеханов был русским (российским) марксистом, много писал о России, о российской литературе и культуре. Все вместе взятое определило выбор творчества Г. Плеханова как предмета для сравнительного анализа.

Макс Вебер (1864—1920) — «Маркс буржуазного мира», немецкий социолог, социальный философ и историк, основоположник понимающей социологии и теории социального действия. Его социология оказала решающее влияние на всю западную социологию XX века. Творческое наследие М. Вебера стало активно осваиваться учеными бывшего СССР после декларации «перестройки» (1985) и, еще более активно, в постперестроечное время (после августа 1991). Произошел своеобразный Веберовский ренессанс.

Основные работы М. Вебера, как, впрочем, и Г. Плеханова, посвящены достаточно общим социально-философским и другим проблемам. Однако, особенность социологии М. Вебера заключается в том, что она может быть понята как «наука о культуре» и, одновременно, как общая социология, лежащая в основе возможных социологических направлений. Иными словами, социология М. Вебера имеет универсальное методологическое значение.

¹ См. переписку Ф. Энгельса с членами группы «Освобождение труда» в книге: Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями. М., 1951. С. 309, 310, 314, 325.

² См. Ленин В. И.. Полное собрание сочинений. Т. 21. С. 69

Марксизм также придавал своей методологии универсальное значение. Примером применения марксистской методологии к социологическому анализу литературы служит литературно-критическое наследие Г. Плеханова.

Следует уточнить, что ни Г. Плеханов, ни М. Вебер не были социологами литературы в современном значении этих слов, т. е. они не занимались эмпирическими исследованиями литературного процесса и факторов, влияющих на него. Их творчество в области осмысления литературы, искусства, культуры в целом можно обозначить скорее как толкование текстов, применение социологического метода к литературоведению (у Г. Плеханова) и культуроведению (у М. Вебера).

Различия между методами Г. Плеханова и М. Вебера носят принципиальный характер. Первое фундаментальное расхождение — отношение к «тотальностям». С точки зрения М. Вебера, ни общество в целом, ни другие коллективные формы общностей (класс, нация, народ и т. п.) в социологическом смысле не могут рассматриваться как субъекты действия. По М. Веберу, субъектом действия может быть только индивид. Это объясняется тем, что лишь индивид имеет более или менее четкую смысловую ориентацию, т. е., лишь индивид вкладывает в свое действие смысл, связывает действие со смыслом. Приписывать субъективный смысл действиям «тотальностей» («целостностей»), согласно Веберу, социолог не имеет права. Действие индивида является социальным постольку, поскольку оно ориентировано на другого индивида (группу индивидов). М. Вебер пишет: «Если на улице множество людей одновременно раскрывают зонты, когда начинается дождь, то при этом (как правило) действие одного не ориентировано на другого, а действие в равной мере вызвано потребностью предохраниться от дождя». То есть действие индивида, не ориентированное на другого, не является, по Веберу, социальным. Таким образом, одна из главных особенностей веберовской методологии заключается в методологическом индивидуализме. Г. В. Плеханов, напротив, является энергичным сторонником и пропагандистом идеи, согласно которой «тотальности» обладают субъективным смыслом. Плеханов видит общество и анализирует его «с точки зрения передового класса, классовой борьбы, смены общественно-экономических формаций, других «закономерностей» и постулатов марксизма.

¹ Вебер М. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. Tübingen. 1951, S. 549.

Ортодоксальность Плеханова-марксиста в полной мере проявилась в его анализе литературы и искусства. Показательным является, например, введение им в литературоведение понятия «ложной идеи». «Когда ложная идея, — пишет Плеханов, — кладется в основу художественного произведения, она вносит в него такие противоречия, от которых неизбежно страдает его экзотическое достоинство», «... ложная идея не может не вредить художественному произведению, так как она вносит ложь в психологию действующих лиц»².

Таким образом, Г. Плеханов резервирует за марксистской социологией право литературы определять «ложность» либо «истинность» художественной идеи. «Высшая мудрость» — марксизм — и ее толкователи еще до октябрьского переворота (1917 г.) определили тем самым «теоретические» предпосылки цензуры и такой организации литературного дела в социологическом лагере, которая позволяла заниматься литературой лишь коммунистически мыслящим людям, лишь тем, кто был готов к серьезным творческим компромиссам. Коммунизм для Плеханова был не только теорией, но и базовой аксиологической системой, с позиций которой он оценивал литературу и искусство. Ценностно-телеологические и эсхатологические критерии анализа литературы с позиций марксизма лежат в основе социологии литературы Г. Плеханова. Действиям народов, классов, другим формам «тотальностей» придается единый для соответствующих «целостностей» субъективный смысл; социология литературы и культуры в целом приобретает ярко выраженный нормативный характер.

Социология М. Вебера не только отрицает «тотальности» в плане единого для них коллективного субъективного смысла, но и провозглашает в качестве критерия научной социологии ее свободу от ценностей. С точки зрения М. Вебера, наука о культуре должна быть свободна от оценочных суждений. Ученый имеет право на культурно-художественные пристрастия и субъективные оценки вне пределов социологии, т. е. как частное лицо. Однако Вебер вводит категорию «отнесение к ценности», связывая с ней понимание «общих правил событий» и «интерес эпохи». По поводу этой категории в вебероведческой литературе нет единства точек зрения; анализируется веберовская антиномия: «свобода от

¹ Плеханов Г. В. Литература и эстетика. М., 1958. Т. 1. С. 163.

² Там же. С. 171

ценностей» — «отнесение к ценности». Тема нашей статьи позволяет нам уклониться от анализа данной антиномии и констатировать главное: социология культуры Вебера далека от конструирования какой-либо иерархии ценностей и направлена на понимание того, что можно «отнести к ценности» в качестве правила событий. Задача социологии, по М. Веберу, как раз и состоит в установлении общих правил событий, безотносительно к их времени и месту. Его интересуют не общеисторические «закономерности», а типические в культуре. Если для Плеханова литература — процесс идеологический, то для Вебера — культурный. Масштаб анализа у Вебера более широк, чем у Плеханова, и он задается не «точкой зрения класса» и его идеалов, а чисто научными потребностями социологии. Плеханов разделяет литературу (и культуру в целом) на прогрессивную и реакционную: Вебер сознательно уходит от подобных оценок, хотя также приходит к выводу о двух основных типах обществ — традиционном и рациональном. «Трансцендентальная предпосылка всех наук о культуре, — пишет М. Вебер, состоит не в том, что мы считаем определенную — или вообще какую бы то ни было — «культуру» ценной, а в том что мы сами являемся людьми культуры, что мы обладаем способностью и волей, которые позволяют нам сознательно занять определенную позицию по отношению к миру и придать ему смысл»¹. С точки зрения Г. Плеханова, «объективная критика... оказывается публицистической именно постольку, поскольку она является истинно научной»². «Истинно научной» разумеется марксистская критика. Вебер вообще сторонится критических оценок, но стремится понять субъективные мотивы действия индивида в определенной культурной среде. Таким образом, можно сказать, что Г. Плеханов сознательно идеологизирует социологическое литературоведение, в то время как М. Вебер пытается уяснить, какую роль играет идеология, в том числе и религиозная, в формировании определенного типа культуры.

Подобное расхождение во взглядах объясняется еще одним основополагающим различием между марксизмом и понимающей социологией, лежащим в сфере отношения к онтологии духовной жизни обществ различного типа.

¹ «Объективность» социально-научного и социально-политического познания. // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 379.

² Плеханов Г. В. Литература и эстетика. М., 1958. Т. 1. С. 174.

С точки зрения М. Вебера, экономическое обоснование (детерминизм) эволюции содержания и форм духовной жизни неприемлемо. В частности, в «Протестантской этике и духе капитализма» он показал, что именно изменение религиозной этики (появление протестантизма) сыграло решающую роль в установлении господства принципа рациональности и, в частности, в становлении капитализма.

У Плеханова, как у типичного марксиста, религия, искусство, литература и другие формы духовной жизни вторичны по отношению к экономическому базису, производны от него. И хотя Ф. Энгельс в последние годы жизни признал обратное влияние «надстройки» на «базис», у него и у его ортодоксальных последователей это признание так и осталось во многом формальным. Никто так и не смог социологически корректно объяснить этот механизм «обратного влияния». Между тем вся социология литературы у Плеханова построена на постулате «производности» литературы от экономического базиса. Противоречие между «реакционным» (дворянским) происхождением многих русских писателей и их прогрессивным творчеством Г. Плеханов решает достаточно просто. Оказывается, они стали прогрессивными постольку, поскольку на них оказали влияние «простые» люди: крепостные крестьяне, дворян, слуги и другие. Плеханов пишет, что «русская крепостная собственность... не оставалась без того или другого более или менее полезного разностороннего влияния на «благородное сословие», это нетрудно признать априори, и это подтверждается целым рядом общеизвестных фактов. Кто не знает, например, что Пушкин учился русскому языку у своей крепостной нянюшки, знаменитой теперь Арины Родионовны?»¹ Следуя этой логике, можно прийти к абсурдному выводу: прогрессивность литературы зависит от степени инкорпорации автора произведения в низшие социальные слои, от опрошения литератора.

Подобного Г. Плеханов прямо не утверждает. Однако его классификация литераторов, а также резко критическое отношение к так называемому «чистому искусству» позволяет предполагать, что влияние вышеобозначенной логики было достаточно ощутимым. Прямо говоря о том, что литература является формой общественной мысли, Г. Плеханов рассматривал главным критерием социологического анализа литературы «общественную пользу». Когда Плеханов еще

¹ Плеханов Г. В. А. И. Герцен и крепостное право // В кн: Г. В. Плеханов. «Литература и эстетика». Т. 1. С. 201.

не был марксистом, а был народником, то, например, в статье «Об чем спор?» (1878) он резко осуждал писателя Г. Успенского за антипочвеннические настроения, за критику устоев патриархальной деревенской жизни. Став марксистом, Плеханов в статье «Наши беллетристы-народники» (1888) меняет свои взгляды на прямо противоположные и одобряет скептическое отношение Г. Успенского к почвенничеству. В упомянутой статье, как и большинстве других, Г. Плеханов меньше всего пишет собственно о литературе как процессе творения, как виде искусства, но пространно рассуждает об экономике, политике пореформенного периода, разночинцах-демократах и т. п. В особую заслугу Г. Успенскому Плеханов ставит точность и глубину наблюдений над «народной жизнью» и пишет о том, что «никакие специальные исследования не могут»¹ превзойти точность эмпирических наблюдений автора. Вряд ли можно оправдать подобное принижение роли «специальных исследований» полемическим задором и марксистским пафосом. Более вероятно предположение того, что Г. Плеханова уже тогда больше волновало «торжество» марксистских идей», нежели собственно литература. Складывается впечатление, что социология литературы Г. Плеханова является для него формой пропаганды марксизма, а не формой анализа литературного процесса.

Выступая против излишней идеологизации литературы и искусства, И. С. Тургенев как-то заметил, что «Венера Милосская несомненное принципов 1789 года»². Однако Г. Плеханов не согласен и считает, что «Венера Милосская есть такой идеал женской наружности», который соответствует «многим фазам» утверждения буржуазного порядка³. Для Плеханова нет надклассовых ценностей, как нет и немарксистских критериев анализа литературы и искусства. Подобный подход к художественному творчеству получил впоследствии в коммунистических странах законодательное оформление. Свобода творчества почти перестала существовать.

Предчувствуя подобное развитие событий, Г. Плеханов писал: «Музы художников, ... стали бы, сделавшись государ-

ственными музами, обнаруживать самые очевидные признаки упадка и чрезвычайно много утратили бы в своей правдивости, силе и привлекательности»¹.

Однако в обществе, продекларировавшем марксизм в качестве господствующей идеологии, музы не могли бы стать негосударственными.

Тем не менее, далеко не вся официальная литература коммунистического периода обнаружила «очевидные признаки упадка». Можно назвать достаточно большое количество авторов, талантливые произведения которых написаны и изданы при социализме. Представляется, что данный парадокс объясним с позиций веберовской понимающей социологии, которая оперирует понятием социального, т. е., «ориентированного на другого», действия в контексте методологического индивидуализма. Такое объяснение возможно, если предположить, что субъективный смысл социального действия литератора содержательно определяется интериоризацией коммунистической идеологии. Для таких авторов свобода творчества была возможна и при социализме. Именно поэтому, говоря о невозможности творчества в условиях социализма, мы употребили слово «почти».

Этот достаточно смелый вывод позволяет избежать не вполне корректных объяснений того, как многим литераторам удавалось создавать талантливые произведения в условиях тоталитаризма. Обычно это объясняют какой-то особой «изворотливостью» авторов. Представляется, что главное в другом — в искренней преданности определенному количеству художников коммунизму, субъективной «коммунистической» ориентации на другого. Хотя, разумеется, очень многим литераторам приходилось искать творческие, весьма болезненные компромиссы только для того, чтобы сохранить возможность творить.

Лучшие произведения, написанные в годы социализма, раскрывали субъективный смысл личностей, а не «тотальностей». Чаще всего он оказывался достаточно противоречивым и не всегда определялся социальной принадлежностью героев и логикой классовой борьбы. Традиция реализма в российской литературе оказалась прерванной. Однако гуманистическая направленность литературы была сильно поколеблена оправданием любых средств для достижения коммунистических целей, приоритетом общественного над личным и т. п.

¹ Плеханов Г. В. Литература и эстетика. М., 1958. Т. 1.— С. 149.

¹ Б у р о в Б. И. Литературно-эстетические взгляды Г. В. Плеханова. // В кн: Г. В. Плеханов. «Литература и эстетика». Т. 1. С. 33.

² Там же. С. 33.

³ Там же. С. 34.

Сопоставляя некоторые методологические подходы понимающей социологии М. Вебера и марксизма в лице Г. Плеханова к анализу литературы и культуры, неизбежно приходишь к выводу о гораздо более высокой степени гуманистичности понимающей социологии, нежели марксизма, при всем его «абстрактном сочувствии к угнетенным классам». Для М. Вебера задача формулируется как необходимость понимания социологического содержания субъективного смысла действия, понимания мотивов действия, у Плеханова — как понимание объективного смысла истории, объективных закономерностей. Более того, следуя заветам К. Маркса о необходимости «изменения мира», Г. Плеханов прямо заявляет о том, что литература должна быть средством такого изменения. Методологическая верность «тотальностям» нашла логическое завершение в тоталитаризме, понимающая социология М. Вебера — в современной социологии литературы, социологии вообще, для которой характерно повышенное внимание к индивиду, субъективному смыслу, рациональности, традиционности и т. д. «...Задачей эмпирической науки, — писал М. Вебер, — не может быть создание обязательных норм и идеалов, из которых потом будут выведены рецепты для практической деятельности»¹. Перефразируя М. Вебера, можно сказать, что задачей литературоведения, как и культуроведения, не может быть навязывание идеалов и норм какому бы то ни было творчеству. Следование этому принципу означает признание свободы творчества на деле, гуманизацию литературы и искусства.

¹ Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания. // Вебер М. Избранные произведения М., 1990. С. 347.

С. А. Еньков

СВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО И РЕЛИГИЯ: ЭТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Поводом для написания данной статьи послужили материалы круглого стола, опубликованные в журнале «Вопросы философии», № 12 за 1994 год, под общим названием «Свобода совести, религия, право». В выступлениях многих известных ученых, касающихся проблем взаимоотношений религии и государства, прозвучали вполне обоснованные тревога и озабоченность за состояние правовой разработанности соответствующих государственных актов и их соблюдения. «Правильно ли расставлены все акценты в самих нормативных документах, и в первую очередь, в основных государственных актах?» — задается, например, вопросом известный религиовед М. П. Мчедлов. Ю. П. Зуева, эксперта Российского общественно-политического центра, тревожат факты праздничных «стояний» официальных лиц в патриаршем Богоявленском соборе, освящения офисов, занимаемых государственными деятелями различного ранга, вплоть до самого высокого, внесения законодательной властью Рождества и Пасхи по календарю Русской православной церкви в число государственных праздников и т. д. Оценивая подобные факты с точки зрения государственной вероисповедальной политики, Ю. П. Зуев далее замечает, что, по-первых, они противоречат принципу светскости государства, во-вторых, в них нарушается принцип правового равенства религий¹.

Действительно, все эти и другие вопросы нуждаются в срочном их разрешении путем законотворческой деятельности. В настоящее время в Государственной Думе рассматривается Закон «О свободе совести и религиозных

¹ См.: Свобода совести, религия, право/материалы круглого стола. Вопросы философии. 1994. № 12. С. 3—4.

СОДЕРЖАНИЕ

Делокаров К. Х.	Вместо введения: Возвращение к	
Ханаху Р. А.	вечной проблеме	3
Бессонов Б. Н.	Гуманизм, религия, наука	8
Овсиенко Ф. Г.	Гуманизм и религия	39
Делокаров К. Х.	Наука и религия в потоке истории	54
Батова Н. К.	Наука и религия — вечный дуэт	81
Яблоков И. П.	Религия в системе культурного универсума	89
Трофимчук Н. А.	Человек в нетрадиционных культурах: свобода или тоталитарный контроль?	100
Чистякова Г. Т.	Гуманизм и религия А. Швейцера	117
Степанов П. П.	К вопросу о том, почему Б. Рассел не счита- л себя христианином	122
Генералов А. И.	Бог и человек в философии идеализма Джованни Джентиле	128
Ханаху Р. А.	Религия и Кавказская война в контексте	
Цветков О. М.	исследования менталитета адыгов	141
Гаджинская З. Г.	Философия и религия о смысле жизни	159
Тхакушинов А. К.	Гуманизм литературы и социология культуры: от Плеханова к Веберу	174
Еньков С. А.	Светское государство и религия: этико- правовые аспекты	183
Хунагов Р. Д.	Деструкция общества и гуманистическая риторика	188
Немировская Л. З.	Теория гуманизации рынка Макса Вебера	196
Моисеева Н. А.	Гуманистическая педагогика Л. Н. Толстого	206

НАУКА, РЕЛИГИЯ, ГУМАНИЗМ

Сборник статей

Ответственный за выпуск Шаплок Г. Ю.
Тех. редактор Хома М. И.

Подписано в печать 17.01.96 г. Формат 84×1081/32. Усл. печ. 11,55.
Тираж 500. Заказ 0236.

Издательство «Меоты» Адыгейского республиканского института гумани-
тарных исследований. 352700, г. Майкоп, Краснооктябрьская, 13.

Республиканское издательско-полиграфическое объединение «Адыгея»
Министерства национальной политики, печати и внешних связей Рес-
публики Адыгея, 352700, г. Майкоп, ул. Пионерская, 268.